

Анатолий Звонов
По России
с остановками

Повести и рассказы

Анатолий Звонов

**По России с остановками.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Звонов А.

По России с остановками. Повести и рассказы / А. Звонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859029-0

Эта книга о приключениях молодого лейтенанта, вчерашнего студента, о его любви, надеждах и исполнении желаний. Места действия — города Новосибирск, Свердловск, Москва, Бийск и населенные пункты Чуйского тракта. Время — начало семидесятых годов двадцатого века. Тексты рассказов и повестей сначала были выложены на литературных сайтах, по результатам замечаний переработаны и помещены в книгу. Дизайн обложки создан Петром Звоновым при участии автора.

ISBN 978-5-44-859029-0

© Звонов А.
© Издательские решения

Содержание

Алтайские надежды	6
На Чуйский тракт	6
От Манжерока до Онгудая	12
К Малому Яломану	15
В Курай на разгрузку	16
Предсказания алтайки	18
Летающий ковер	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

По России с остановками Повести и рассказы

Анатолий Звонов

Дизайнер обложки Петр Анатольевич Звонов

© Анатолий Звонов, 2018

© Петр Анатольевич Звонов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-9029-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алтайские надежды повесть

На Чуйский тракт

Между двумя грузовиками, стоящими над смотровыми ямами в пункте технического обслуживания, медленно шел чисто одетый солдат с красной повязкой на левой руке. Встреченного замасленного слесаря он спросил о чем-то. Тот показал в одну из ям. Из-за шумов вентилятора и заведенного двигателя одной из машин его крика почти не слышно:

– Товарищ, лейтенант! Вас срочно в штаб вызывают!

Из ямы высунулся запачканный человек. Он слышал обрывки фразы, кивнул головой и на время пропал в темноте. Через несколько секунд он вышел по ступенькам и появился в полумраке задымленного помещения с запахом масла. Вытирая руки серой тряпкой, отправился в штаб следом за дежурным солдатом, на ходу поправляя офицерский ремень, подпоясывающий запачканный бушлат.

Командир батальона стоял у приоткрытой форточки маленького окна, курил. Услышав скрип двери кабинета, повернулся, быстро подошел к лейтенанту и, аккуратно сдавив его руки чуть ниже плеч обеими своими ладонями, вполголоса сказал:

– Ты у нас последний остался. Все уже по месяцу отбыли в командировках, а у людей – семьи. Пришла пора тебе собираться!

«Давно пора, хоть бы и в командировку, – думал молодой лейтенант, – это же невыносимо целыми днями возиться в масляной грязи грузовиков, до отбоя воспитывать солдат, а потом вместо сна ездить по огромному чужому городу Новосибирску в поисках самовольщиков».

– Когда ехать, куда? – с готовностью выпалил он.

– Ты снимай свой бушлат, ремень. Давай-ка все обсудим, – подполковник по-отечески помог лейтенанту снять и повесить верхнюю одежду, – ты, ведь у нас еще новичок, но я слышал, что в машинах понимаешь. Придется тебе одному с солдатами и машинами работать на дальних рейсах.

«Неужели в Красноярск, к третьей роте или вместо нее? Нет, не осилю, сотню машин не потяну», проигрывал Илья в уме возможные варианты, присаживаясь к столу. Подполковник уже сидел в председательском кресле, продолжал разговор:

– В Курае строится большая станция для заправки соляркой наших танков, на случай войны, а в Ташанте – опорный пункт. Туда надо стройматериалы и металлоконструкции подвозить.

Лейтенант слушал, молча, пытаясь вспомнить, где эти города или села могут быть расположены, в Туве или в Хакасии?

– По нашему опыту, там всегда должно находиться не меньше восьми бортовых ЗИЛОВ, – продолжал командир, – но расстояния большие, около шестисот километров в одну сторону, да, грузиться всегда надо в Бийске, около железной дороги.

«Уф, так все-таки Алтай!, – возликовал в душе лейтенант, – здорово, я ведь, там был три года назад проездом, по походным делам».

– Машины, солдат выбирай сам, да выбор-то не большой. Сколько у тебя бортовых? – подполковник повернулся лицом к стене, где был прикреплен лист ватмана с марками и количеством машин в ротах, – так, твоя серия «ФХ», всего тридцать четыре, из них десять только в понедельник приедут из Бийска, а тебе уже в этот день там же под погрузку вставать. На сборы – три дня!

– А как еда, запчасти, обслуживание, ремонт? – задал вопрос лейтенант.

– Я уже распорядился, чтобы запчасти для тебя подобрали и выдали, талоны на бензин и масло в бухгалтерии возьмешь, а еда, – командир улыбнулся и взглянул на подопечного, – это солдата пешего, да без оружия кормить надо, а при машине он и сам пропитается, и тебя накормит! Впрочем, офицеру командировочные, а солдатам сухой паек никто не отменял, бери, что положено.

Заручившись поддержкой командира, лейтенант начал подготовку к отъезду. Однако дни у него проходили все в том же режиме, только в настроении приподнятом. Он проводил все рабочее время под капотами грузовиков, а то и снизу заглядывая в самые скрытые их места наиболее внимательно. Теперь важно было отобрать тех людей и те машины, которые могут оказаться вместе с ним в дальних рейсах.

Выходя из кабинета, он чуть не сбил с ног дежурного солдатика, в тот самый момент будто бы случайно проходящего мимо. Скорее всего поэтому к лейтенанту буквально сразу начали по одному обращаться старослужащие с предложением взять в командировку именно его. Лейтенант отмалчивался, делая вид, будто ничего еще неизвестно, чтобы решение немного оттянуть, самому выбрать.

Вечером, между ужином и отбоем, в канцелярии роты, оставшись один на один со старшиной Сотниковым, он завел разговор о такой же командировке, в которой тот был месяц назад. Старшина двадцати шести лет от роду слыл человеком практичным и напористым, а потому ему всегда удавалось хорошо устроиться в любом месте. Он сразу, коротко рекомендовал:

– Берите стариков, у них и машины лучше и опыта больше. За машинами они сами будут следить – заинтересованы! Денег заработают: осень на дворе, кому картошку, кому дрова подвезти надо. Жить Вам можно либо в Бийске, в гостинице, либо на трассе. В любой деревне бабу себе найдете, – старшина хмыкнул, – хоть алтайку, хоть русскую. Там одиноких полно, а мужики, в основном, пьют! Я в Топучей жил, под перевалом.

Илья для себя уже решил, что возьмет на Алтай несколько «молодых» – пусть опыта поднаберутся! Проводя аналогию с подготовкой к походу, он начал составлять список продуктов, надеясь их получить завтра или послезавтра. Но потом понял, что полевую жизнь на трассе, изобилующей городами и селами, организовывать незачем. Да и на продовольственном складе части оказалось всего тридцать банок каши гречневой с мясом, чай, сахар и все! Предстоящая экспедиция совсем не похожа на привычный для него поход в безлюдных местах. А, если уж быть абсолютно точным, он никогда не ездил на какой-либо машине дальше тридцати километров от дома.

Илья по отношению к женскому обществу был не то, чтобы стеснительным, каким-то уж больно интеллигентным, хотя его внешность, включая симпатичное лицо и атлетическую фигуру, вызывало у многих девушек желание близости уже при первой встрече. Из-за этого противоречия ему с ними не везло. А вот, когда он влюбился в девушку из учебной группы, то боролся за право быть ее избранником почти три года и добился этого рыцарским способом: стал самым лучшим, таким, как она хотела. Теперь, после полугода совместной жизни с ней в Москве, он думал, что борьба закончена, что теперь они будут вместе и навсегда. Он ее по-прежнему любил. Но письма от нее приходили редко, и об ее переезде к нему в Новосибирск уже намеков не было, хотя и жилье получено и оклад хороший.

По всему получалось, что именно такая командировка лейтенанту после двух месяцев утомительной работы и вынужденного затворничества подоспела очень кстати. Может, ну ее эту любовь! Жить проще, как старшина: найти в командировке женщину подходящую, поселиться у нее на месяц, а потом воспоминаний хватит на полгода, а то и на год! Можно будет байки офицерам в столовой рассказывать не хуже других.

Итак, в воскресенье с запчастями и банками каши, чаем и сахаром, большим алюминиевым чайником, рано утром, когда еще остающиеся солдаты спят, отъезжающие позавтракали и выехали за территорию части, как раз к окнам молодого лейтенанта. Шесть новеньких ЗИЛОВ со старослужащими водителями и два – после капиталки с молодыми и очень старательными парнями за рулем.

Короткий инструктаж перед дальней дорогой

– Товарищи, солдаты! – начал, было, лейтенант, но, представив себе весьма узкий круг общения и, возможно, совместный быт в ближайший месяц, сразу поправился, – Ребята! Если мы будем ездить, как командующий прописал, не быстрее тридцати километров в час, до Бийска двое суток добираться надо. Так, что скорость около шестидесяти, я думаю, можно держать. Если инспектор остановит, ждите меня. Я поеду в последней машине с молодым, с Витькой.

Прыгнул в машину лейтенант – и завертели колеса: вот уже реку Обь переехали, а вот и трасса в Барнаул, на Юг, стало быть! Вот и солнышко встало, и лесопосадки засветились вдоль хорошей асфальтированной дороги – сиди, покуривай, да семечки грызи! Витька о чем-то щебетал про свое родное село, что ему пришлось уже шоферить. Время от времени он, улыбаясь, поворачивался к собеседнику. Лейтенант тоже улыбался, помалкивал, просто наслаждался природой, погодой, свободой, свежим ветерком из открытого окна.

Пообедали перед Барнаулом пельменями, пополнили запас курева и жареных семечек, свернули на Бийск, который еще называют «Воротами Горного Алтая». Пропылились в Алтайских степях и к вечеру попали на склад, вернее в бытовку перед его воротами. Туда военных запустил сторож, худосочный старичок в брезентовом плаще, в который уместились бы двое таких сторожей. Он угостил приехавших чаем и хлебом, показал, где пыль смыть, пожелал спокойной ночи:

– Отдыхайте, завтра Люба придет, скажет чего куда везти!

Лейтенант, хотя и притомился в дороге от безделья, но долго не мог уснуть, думал: «Вот и первая женщина в поездке завтра покажется. А вдруг сразу повезет. Какая она? Может молодая, красивая и свободная?».

Понедельник у Любы начинался чуть позже десяти утра. Когда Илья увидел кладовщицу за столом, все его надежды остаться в Бийске, в «частном секторе» сразу растворились. Ей на вид было далеко за сорок. Лицо и руки пухлые, волосы растрепаны, одежда неряшливая. Но, когда она начала общаться с приехавшими военными, чувствовались ее знание дел и своих погрузочно-разгрузочных, и солдатских водительских, и обстановки на трассе, на стройках.

– Женя, Сережа! Чего стоите? Вы здесь не в первый раз! Загоняйте всех на склад. По полторы тысячи кирпича грузите – и ко мне за документами! – Скомандовала она, тоном и видом показывая, что офицер ей совсем не нужен, вообще непонятно, что он здесь делает.

Ну, что ж, у офицера своя работа: все знать, за все отвечать! Загрузились и документы оформили уже ближе к полудню. Из города на тракт колонна выезжала, как будто из трясины выбиралась на свет божий. Тяжелые ЗИЛЫ передвигались медленно по улочкам Бийска пока не переехали по мосту реку Бию.

Только разгоняться начали – толпа народу на обочине стоит. Вся колонна притормозила, а потом и совсем остановилась. К последней машине, где сидел лейтенант, не торопясь подошел Женя, один из старослужащих, плотный такой, и почти смущенно завел с ним разговор:

– Товарищ, лейтенант! Тут люди, гражданские просят подвезти, – он смотрел на подножку, – может, посадим в кабины? Старшина разрешал.

– Ну, раз разрешал, валяй, сажай! – махнул рукой Илья, вышел из машины, чтобы увидеть, что за люди заполняют свободные места просторных кабин.

К нему, как на долгожданное свидание, женщина с двумя «авоськами» подбежала, уверенно и с улыбкой заглядывая прямо в его глаза, спросила:

– Так ты и есть тот самый молоденький красавчик из Новосибирска! До Манжерока возьмете? Я одна. Можно?

«Вот так, о нас уже все знают», ворчал про себя Илья, отмечая, впрочем, округлые формы будущей пассажирки, опрятный вид.

Офицер взял сумки и положил их под ноги, сел ближе к водителю, подал руку, помогая женщине взобраться на подножку. А когда дверь закрылась, в кабине установился непередаваемый словами аромат деревенской свежести и чистоты.

Как только тронулись, Илья сразу завел разговор:

– Манжерок, что-то знакомое, где-то слышал это название.

Женщина была в хорошем настроении и, поправляя свои каштановые волосы, сразу ответила:

– Дружба – это Манжерок, это песня нашей встречи...

– А-а, Пьеха, кажется, пела. Это про ваш Манжерок? Я и не знал, что это здесь, – искренне удивился Илья, – да ваше село на весь мир известно! А Вас-то звать как?

– Меня – Татьяна! А тебя как, лейтенантом называть или имя есть, – игриво вела женщина непринужденную беседу.

– Можете Ильей называть, в честь пророка, в Ильин день родился! А откуда Вы о нас знаете? – задал лейтенант еще один неразрешенный вопрос.

– Это же – Чуйский тракт! Здесь слухи идут впереди человека! Вот вчера приехали вы на машинах, да еще сегодня одна дама на поезде, парикмахерша из Новосибирска.

Женщина называла Илью на «ты», как и подобало на ее взгляд называть понравившегося ей молодого человека. А вот Илья вполне естественно называл симпатичную, опрятную женщину на «Вы», поскольку ей было на его взгляд лет около сорока, в то время как ему только что перевалило за двадцать четыре. Понимая, что молоденький офицер в первый раз здесь, на Чуйском тракте, Татьяна взяла на себя роль экскурсовода, попутно рассказывая свою простую жизнь:

– Я здесь сама недавно. Нас, молодых ребят и девушек на целину по комсомольским путевкам под другую музыку отправляли: «...едут новоселы по земле сибирской...» Так в Казахстане и оказались с маленьким сыном втроем. Сразу через год и Иринка родилась. Жизнь в бараке с малыми детишками дело не сладкое. Денег скопили, при первой возможности через знакомых здесь развалюху купили и переехали.

Илья внимательно слушал и вспоминал, как пять лет назад ехал в поезде домой из Казахстана, заработав за семьдесят дней на мотоцикл почти восемьсот рублей. Но, глядя вперед через лобовое стекло, спросил:

– А что это там за странная машина прошла навстречу?

– Это скотовозы. Их в Онгудае грузят овцами, козами, сарлыками в два яруса, а потом вот так странно вкривь да вкось досками забивают, чтобы не вывалились по дороге. Вон, видишь, еще один едет, головы козлиные между досок торчат!

Посмеялись, переглянулись! Татьяна поглядывала на Илью, как на вполне возможного квартиранта с близкими отношениями, а потому прямо, без намеков сообщила:

– Мужа я уже здесь похоронила. Сердце его не выдержало тяжелой работы и частой выпивки, однако хозяйство успел наладить. Уже скоро три года, как одна.

Будь на его месте старшина Сотников, сразу бы догадался, что надо женщину приласкать, хоть ладонь на колено положить, а Илья намек не понял, искренне сочувствовал, да вокруг смотрел с интересом. Дорога то подходила к реке, то углублялась в степь. Горы видны, но до них еще далеко. Витька, до этого момента молчавший, внимательно управляя машиной, вдруг спросил, показывая направо:

– А что за речка там?

– Это, ребята, Катунь – наша красавица. Мы так до самого Манжерока вдоль нее и поедем. Сейчас, в начале октября, пока еще не холодно, на берегу молодежь собирается, – в глазах Татьяны впервые отразилась легкая грусть.

Так, за приятной беседой, проехали около ста километров. Степной пейзаж поменялся на горный. Колонна остановилась, чтобы высадить пассажиров на развилке дороги. Вот и деньги появились на обед и на другие нужды. Люди моментально разошлись по домам: кто в город Горно-Алтайск, кто в поселок Майма. Народу здесь живет больше пятидесяти тысяч, а желающих ехать дальше по тракту не нашлось, кроме Татьяны.

Следующая остановка – Манжерок. Пока доехали, время за четыре часа перевалило. Выходя из кабины, Татьяна предложила, глядя на лейтенанта манящим взглядом:

– А то пойдем, Илюша, покажу, как мы живем, молочком топленым угощу.

Конечно, от такого соблазна удержаться было невозможно. Увидев, что командир скрылся с женщиной и сумками за дощатым забором небольшой усадьбы, Женька крикнул из машины:

– А мы к речке спустимся на отдых! Ночевать здесь будем! – он нутром чувствовал, что в этом селе и девчонки, и выпивка, и еда будут.

Дом у Татьяны добротный, чистый, обжитой: половики, покрывала, скатерть на столе, шторы на окнах, стулья, диван раскладной, – все в зале, как положено, даже печь беленая. За занавеской – хозяйская спальня. Кружка топленого молока, поставленная на стол, и ломоть белого хлеба окончательно решили вопрос, где ночевать. Однако время до ночи еще было. Надо осмотреться, что за село такое?

Лейтенант прошел по дороге до сельского магазина, где продавалось все: от керосина и спичек до великолепного алтайского меда с местных пасек. Спустился по проселочной дорожке к реке, когда уже стемнело, и увидел молодых людей, костер, чайник над костром коптился. Музыка слышалась из кабины одного ЗИЛА. Остальные машины стояли колонной на колее, уходящей к тракту. Людей собралось на огонек человек двадцать: солдаты, девушки, незнакомые молодые парни. В качестве выпивки – местное самодельное пиво из меда, воды и хмеля. Удостоверившись, что обстановка на берегу доброжелательная, отказавшись от предложения побыть с ними, отхлебнув из полной кружки хмельного напитка, предостерег:

– Завтра утром – в рейс, не балуйтесь с пивом, – однако с интересом посмотрел на кружку, зажатую в руке, отхлебнул еще, а через пару секунд допил остатки под одобрительный смех молодежи.

Татьяна постелила лейтенанту в зале на диване, а сама легла в спальне. Когда Илья пришел и начал снимать одежду, женщина на всякий случай произнесла, сдерживая дрожь в голосе:

– Ирочка сегодня у подружки останется ночевать, Володька себе спальню в сарае оборудовал, – и добавила уже обреченно, – отдыхай.

– Спокойной ночи, – ответил он, не заметив ни дрожи, ни обреченности, улегся в мягкую белую пуховую постель и уснул. Ночью сквозь сон слышал, как за занавеской иногда ворочалась и продолжительно вздыхала хозяйка.

Проснулся лейтенант, когда в одно из окошек уже светило солнце, пахло дымом и пшенной кашей. Во дворе ждала Татьяна с теплой водой, мылом и полотенцем, помогла ему обмыть его обнаженное до пояса тело, приговаривая с легкой иронией:

– Вот, давно, видать в деревне-то не был. Пожил бы у меня, да тебе некогда, работать надо!

После завтрака хозяйка убрала со стола и, прощаясь, твердо, но вполне дипломатично сказала:

– Если захочешь, приезжай, приму. А за сегодняшний день с тебя два рубля! Командировочные ведь вам дают?

От Манжерока до Онгудая

Рассчитавшись с Татьяной и выйдя на дорогу, лейтенант в отличном настроении отправился к колонне машин уже стоявшей на обочине. На сей раз командир сел к старослужащему Женьке. Как только тронулись, он ощутил, насколько приятней ехать в новеньком ЗИЛЕ, чем в стареньком: двигатель лишь слегка шелестел, покачивания кабины почти не чувствовались, никаких лишних звуков. Через пару часов, когда мимо окон проплыли дома нескольких больших и малых населенных пунктов, увидели, что по дороге легко и быстро идет женщина с пустой, но большой сумкой. Вид у нее был такой целеустремленный, будто она готова весь тракт пешком пройти. Женька притормозил и, обогнав женщину, остановил машину вовсе.

– Куда путь держите, – крикнул из открытого окошка лейтенант, уже примерно догадываясь, что это за пешеход ему попался на дороге.

– А что, добросите до Онгудая? – не уверенная в положительном ответе, тихо ответила женщина, отведя взгляд на обочину.

Когда дверь автомобиля гостеприимно раскрылась, она не заставила себя ждать: цепкими руками ухватилась за ручки в кабине, запрыгнула на подножку и оказалась на сидении. Моментально кабина наполнилась давно забытыми, а, может, и неизвестными парфюмерными ароматами, немного приторными, но приятными.

Тронулись с места. Грузеная кирпичами машина шла медленно – начался затяжной подъем на Семинский перевал. Женщина сидела прямо, не прикасаясь к спинке сидения, головой не вертела, как будто уже увидела впереди цель, к которой стремилась. Илья даже не знал, как начать с ней разговор, а очень хотелось:

– Извините, а Вы не из Новосибирска приехали?

– Вы угадали, вчера утром, поездом, – она повернулась к лейтенанту, и он увидел сдержанную улыбку на ее красивом лице, – а откуда Вы знаете?

Получив подтверждение своей догадке, ищущий удобного временного союза, офицер понял, что на эту тему с ней разговаривать бесполезно, но продолжил:

– Мне Вас, как парикмахершу еще вчера представили заочно, а мы ночевали в Бийске, на базе, потом в Манжероке. Не думал, что на дороге встретимся.

– Я не парикмахерша, а заведующая салоном, вас неверно информировали, – делая строгое лицо, ответила пассажирка с чуть заметным Прибалтийским акцентом.

Офицер, получив отпор за свою невольную бестактность, замолчал. Но ему очень хотелось узнать, как эта смелая, ухоженная и симпатичная женщина решилась выйти одна на большую дорогу, что за нужда гонит ее в Алтайские горы. Женщина оценила его смущение и, упреждая возможные вопросы, продолжила сама:

– Молодой челоек! Вы знаете, что такое шиньон, или для Вас будет понятнее – парик? И то и другое делается из настоящих человеческих волос.

Поставленный на свое место Илья слушал лекцию Линды Августовны, так она назвалась, смиренно и с большим интересом. Оказывается, что хвост сарлыка, одного из тех животных, которых провозили в кузовах встречных скотовозов, по всем свойствам неотличим от человеческого волоса. Из этих хвостов за границей уже давно делают шиньоны. Их можно уже крашенные у фарцовщиков купить рублей за сто, стало быть, дорого, да и нужного цвета может не оказаться. А вот если иметь белые хвосты, можно специально для клиента подобрать нужную краску и быстро заработать деньги.

– Знакомый моего мужа работал в СОВТРАНСАВТО водителем фургона. Он в Онгудее ночевал и купил там хвост сарлыка всего за пять рублей. Сотня хвостов уместится вот в этой сумке. Сколько женщин я смогу обеспечить шиньонами, сколько старух – париками! – закончила заведующая салоном свою лекцию.

Молодой офицер впервые видел перед собой деловую женщину. Главное – масштаб! Он быстро прикинул, что она собирается заработать пятьдесят тысяч рублей. Если подсчитать, то, начиная с нынешнего семьдесят первого года честным трудом такие деньги можно заработать за двадцать лет. Он даже не представлял себе, как выглядит эта уйма денег.

Машины уже переехали через перевал и мчались к Онгудаю. А слухи? Летели они впереди Линды Августовны? «Может быть, она мне не первому рассказала о своих корыстных намерениях?», беспокоился лейтенант.

Пассажирка выпорхнула из кабины в середине поселка, небрежно швырнув на сиденье «красненькую». Справа, в самом конце населенного пункта, криво стояли два длинных синих фургона около одноэтажного строения, а слева, в низине – огромный загон с множеством блеющих коз, овец и мычащих сарлыков, которых гнали через сбитую из досок эстакаду в кузов скотовоза. Рядом тоже стоял небольшой дом грязно-серого цвета с открытым козырьком над черным окном.

Вся колонна съехала с дороги направо к фургонам. На доме, выше двери – свежая, но уже выцветшая надпись крупными буквами: ЗАЕЗЖИЙ ДОМ, – а под ней буквами поменьше – Совтрансавто. Лейтенант вошел в открытую дверь и увидел полусогнутого средних лет мужчину, сметающего веником мелкий мусор в совок:

– Отдыхать будете? – спросил он, выпрямившись, – сколько вас?

– Не, нам еще рано, ночь спали, к ночи и спать уляжемся, только не здесь, – Женька редко улыбался, а тут расцвел, увидев мужика за женской работой, – нам бы пожрать чего.

Мужчина вышел на крыльцо, вытряхнул из совка пыль:

– Столовую вы, ребята проехали, надо возвращаться, а палатка вон, – хозяин показал на другую сторону дороги, – там только водка у Нинки да хлеб, может, остался.

Еда – это дело первое. Закрыли машины – и по боковой дороге назад километра два, ноги размять! Деньги были, и еда простая, деревенская: щи, картошка, мясо.

Вернулись. Кони сытые копытом бьют, поехали дальше? А лейтенанту охота посмотреть, что там за палатка у загона примостилась.

– Подождите, – говорит, – покурите. Я сейчас, быстро.

И пошел на ту сторону, где козырек над окном. Что там за Нинка водкой да хлебом торгует. В сельском магазине продавщица – отличный вариант! А вдруг устроиться удастся! Сунулся в темное окно, а оно закрыто. Только скот в стекле отражается. Голос бабий едва слышен:

– Заходи в дверь!

Обошел дом, по трем ступенькам поднялся, вошел в темную проходную комнату. Слева в углах на тюфяках мужики похрапывали. Запах пота и перегара. Из другой комнаты пьяный женский голос захрипел:

– Иди, иди сюда! А! Это ты, красавчик, к нам эту Людку привез! На хрен она здесь нужна! Пусть пешком отсюда обратно топает!

Перешел Илья через порог – чуть по светлее, но запах все тот же тяжелый. Бабий зад со стула почти сполз, но голова еще опиралась на спинку. Волосы редкие, полуседые, глаза пытались сосредоточиться на вошедшем мужике. Приподнялась на своем троне как царица левую руку вытянула, показала на длинный сундук у стены рядом с окном:

– Вон сколько у меня этих хвостов сарлычьих! А ей ничего не дам и не продам, ни почем, ни за сколько! А тебе дам, хоть задаром, вот, смотри!

Жестом показала, что можно открыть сундучок. Лейтенант уже понял, что противоречить ей не стоит. Открыл, а там... почти под самую крышку белые хвосты и коричневые отдельно разложены.

– Здорово! – сказал молодой офицер, чтобы как-то отметить старания Нинки, но не испытывая никаких чувств, глядя на запачканные высохшим сарлычьим дерьмом волосяные концы

сантиметров по сорок длиной. «А, может, Оля бы что-нибудь из них сделала, – почему-то вдруг вспомнил он свою любимую девушку, – она такой рукодельницей иногда бывает!».

– Во-о-о-т! Вишь сколько их тут, – она показала правой рукой в угол, где Илья увидел еще одного мужика, спящего на тюфяке, – вот они где у меня!

Она при этом сжала свой сухонький кулачек и ощерилась, показывая беззубый рот.

– А ты ничего, хорошенький, – продолжала Нинка нести свой пьяный бред, – иди ко мне, я тебя приласкаю.

При этих словах она протянула обе руки навстречу лейтенанту, потеряла равновесие, упала со стула на пол и тут же уснула. «Хорошо, хоть так, – подумал лейтенант, – а, если б приласкала?», и испытал подступающую рвоту.

Выскочил Илья из дома – на крыльце один из скотогонов сидит с папироской. Спички спросил и, прикурив, рассказал, что тут происходило сегодня. Оказалось, что у сарлыков хвосты отрезают на границе и оставляют в Монголии. А то, что вырастет у них, пока их гонят до Онгудая, год назад, когда Нинка здесь появилась, стало возможным на водку обменять.

– А она хвосты шоферам продает. Бабы в городе заказывают – шофера привозят, по одному, по два, – продолжал скотогон, – а об этой парикмахерше из Новосибирска еще вчера узнали, что она хочет все скупить. Ну, Нинка и завелась: водителям велела, если увидят, не останавливаться. А как ты ее привез сюда – вообще рассвирепела, нам велела ей ничего не продавать, а у нас и нет ничего.

– Что Людка так ни с чем и уехала обратно? – заинтересовался Илья.

– Да нет, это мы все ходим туда-сюда, хоть на стакан заработать, а Мишка на один раз нанялся, он ей сунул втихаря десяток хвостов, под обещание водки принести для бригады, когда Нинка уже надралась.

Проснувшись, Нинка, было, вспомнила молодого лейтенанта, а потом сразу и забыла. А он в это время уже на перевал с машинами забирался по серпантину и рассказывал Женьке окончание истории с сарлычьими хвостами. Удивлялся, как могут женщины мужиков в руках держать, напиваться до потери сознания, при этом быть совершенно нищими, счастливыми и с царственным видом распоряжаться добром, на котором огромные деньги заработать можно.

К Малому Яломану

Умылись машины белыми облачками на верхушке перевала и вниз – к обрывам над Катунью красавицей. Обрывы крутые, их бомами называют, дорога узкая, с короткими скалистыми поворотами, да скалы сверху нависают – жуть!

– Сразу за бомом будет большое село Малый Яломан, – сообщил Женька на всякий случай, – остановимся, надо воды долить в радиаторы, попить, фляжки наполнить.

Пока парни подливали воду, передавая друг другу ведро, Илья спросил у проходящего мужика, кто здесь постояльца пустить может. Тот ответил, что лучше к магазину пройти – там бабы собирается, это в конце поселка на второй улице слева.

Магазин снаружи смотрелся убого, чуть лучше Нинкиного лежбища. Правда, на скамеечках не скотогоны, а старушки сидели, беседовали, кто-то из них прошипел: «к Вальке пошел». Внутри чистота, полочки и прилавок товаром заполнены. Тут тебе сахар и хлеб, конфеты, мед, печенье, консервы разные, масло трех сортов и даже баран на две части разрубленный покупателя ждет. А за прилавком – женщина молодая средней полноты, черноглазая брюнетка смотрит весело, улыбается! Лейтенант тоже повеселел. Подумал: «может, мечты сбываться начинают!», а вслух спросил:

– Старушки сказали, что Валентиной тебя звать! А на постой молодого офицера не возьмешь?

– Почему не взять. Вы надолго, на денек или на месяц?

– Как дело пойдет, а то и на месяц!

Валентина вышла из-за прилавка, показав свои красивые бедра. Лейтенант был восхищен. А красавица-продавщица быстро закрыла магазинную дверь на висячий замок:

– Пойдем, квартиру посмотрите, – и повела Илью как раз к тому месту, где ребята закончили свои дела и ждали, покуривая.

Увидели они лейтенанта в обществе красивой женщины, переглянулись. Может, здесь офицера удастся, наконец, пристроить?

Ждали не долго. Дом был большой, и по всему видно, богатый, а Валя сразу назвала цену: три рубля в сутки. Она, как видно, на всем привыкла хорошо зарабатывать. Но тут в дверь вошел большой плотный блондин. Валентина показала на него правой ладонью:

– Муж мой, Иван!

Иван строго посмотрел на жену, и она сразу покорно опустила голову и вышла из дома. Он лучше жены знал, за что и с кого надо деньги брать, а с кем дружить бы следовало. Лейтенант с такой колонной машин больше подходил для дружбы.

– Ты надолго в наши края? – Иван уже давно считал Алтай своим, хотя вернулся сюда после службы в армии за красавицей Карагез, чтобы увезти ее в свою родную Белоруссию всего пять лет назад, да так и остался здесь.

– Сам не знаю, мотаться по тракту не очень хочется, а осесть где-нибудь с удобствами хорошо бы, – на последних словах Илья слегка потупился, а Иван сразу все понял:

– Удобнее, чем у меня нигде места нет, хоть по всему тракту ищи, но ведь тебе по молодости лет у женщины молодой постой искать надо. В нашем поселке такого нет. А на день, на два заезжай – будем рады. Баньку истопим!

Илья решил продолжить путь, пообещав, что обязательно заедет. В честь знакомства Валя, она же Карагез, вынесла по наказанию Ивана огромный кулек яблок и груш:

– Берите ребята! Фрукты здесь в нашем саду растут – вкусные!

Вот такой десерт получился! Не удалось ребятам командира и здесь оставить! Едем дальше!

В Курай на разгрузку

Всю дорогу до Курая лейтенант не проронил ни одного словечка. Размышлял, почему в его жизни все так сложно получается. Еще на втором курсе, ни с того ни с сего, вот так вдруг, девчонка из его группы посмотрела на него, загадочно улыбаясь, и он сразу влюбился. Уже через неделю они целовались, ей казалось нормально, а ему эти поцелуи внушали, что пришло настоящее счастье. Уже весной, воспользовавшись отъездом родителей на курорт, она отдалась ему с дикой страстью и откровенным криком. Он по неопытности и опьяненный восторгом, думал, что вот она настоящая любовь! Но пришлось еще очень долго помучиться, повоевать за нее.

Через неделю показался соперник: высокий брюнет. Сцена разыгрывалась прямо на улице, отделенной от институтского двора забором, из высоченных железных прутьев на глазах всей учебной группы, включая Илью. Брюнет пытался взять ее за руку или под руку, а она отбивалась, ускорила шаг, почти бежала, но он не отставал. Как оказалось, они давно уже были любовниками. Ей просто не хотелось огласки их отношений. Оля в девятнадцать лет уже была опытная и хитрая женщина с рано проснувшимися страстями, красива, умна и начитана, интересна ровесникам и мужчинам на много старше ее. А сама она предпочитала парней романтических, не боящихся рисковать, например, летчиков, мотоциклистов, альпинистов, парашютистов.

Вова, так звали брюнета, приехал в Москву из городка у Черного моря, но романтизмом не блистал. Его цель – обосноваться в Москве, средство – жениться на москвичке. Познакомившись с Олей, он не мог, да и не пытался подстраиваться под ее предпочтения. Действовал просто: сопровождал ее везде, кроме женского туалета. Он пожертвовал ради этого права даже местом учебы: перевелся из престижного ВУЗа с потерей года в ее группу. Через год такой осады Оля сдалась: на четвертом курсе они поженились.

Илья боролся за Олю, зная ее предпочтения, другим способом. Он выбрал себе роскошное занятие – спортивный туризм разных видов: пеший, горный, водный, лыжный. Это как раз соответствовало его темпераменту и стремлениям. После второго курса, когда Илья пришел из похода по Алтаю, где сплавился по первой своей горной реке, на него показывали, как на героя – вот это спорт, не то, что какая-нибудь гимнастика. А уж когда после зимних каникул Илья сидел на первой лекции в огромной аудитории одинокий и обмороженный, бородатый, обветренный горными метелями Кольского полуострова, Оля уже не сдерживала своего восторга. Пользуясь своей женской хитростью, она умудрялась выскальзывать из-под осады своего верного спутника и уделять время Илье, то есть любить «на два фронта». А уж, когда Илья появился еще и на прекрасном по тем временам мотоцикле ЯВА-350, Оля откровенно стала отдавать предпочтение ему, а не законному мужу.

В конце четвертого курса, на медицинской комиссии перед отправкой в военные лагеря Володя был признан не пригодным к службе. Более того, ему предстояло в течение года не учеба, а лечение в специальной клинике на Юге от опаснейшей болезни – туберкулеза. Туда он и отправился.

Илья обладал мощнейшим здоровьем. Он провел лето в Таманской дивизии, получил звание инженера-лейтенанта. Дипломы Оля и Илья делали вместе, поселившись на это время в квартире у Ильи. После удачной защиты дипломных работ они провели вместе отпуск на Белом море и расстались, договорившись вскоре встретиться и жить как муж и жена. В Новосибирске Илья продолжал свою борьбу за счастливую жизнь с любимой женщиной. Он добился права и получил не место в общежитии, как все одинокие, а отдельную комнату в коммунальной квартире. Письма посылал так часто, что не знал на какое из них ответ приходил. Посещала его иногда тревожная мысль о том, что живет она себе спокойно с законным мужем и забыла

свое обещание. Вот и решил «гульнуть» от любимой. Но по собственному желанию прикончить свою любовь не получалось.

Приехали к казарме строительной роты, что в километре от Курая, голодные часов в 9 вечера. Здесь им и пригодились взятые из Новосибирска консервы и запасенная в Малом Яломане чистейшая из горного ручья вода. В полной темноте каждый нашел себе свободную койку в душной казарме. Улеглись поверх одеял, сняв только сапоги.

Утром, пока разгружались машины, лейтенант присел на крылечко казармы и любовался высоченными снежными вершинами горного хребта. Видимо стосковавшись по общению, подошел лейтенант, отдававший приказания строителям.

– Не трудно одному с таким войском справляться? – спросил Илья для начала разговора.

– Да я не один. Нас здесь двое. Серега сегодня до вечера спит, а я с «красноармейцами» управляюсь, – с улыбкой сообщил лейтенант.

– А-а! Вдвоем-то проще.

– У нас тут вахтовый метод. Серега проснется часов в восемь, поедет в Курай, привезет водки и пару девчонок к отбою. Я проверю солдат, уложу спать, а ночь мы всегда проводим вместе с девчонками – там уж не до сна! Под утро их выпроводим, завтра с подъема Серега будет воевать целый день, а я отосплюсь до вечера. Девчонок в селе – больше двадцати, так по кругу и ходят. Вот и живем, а иначе от тоски подохнешь!

Часам к десяти разгрузка была закончена и документы подписаны, на все ушло не больше часа. Стройбатовский лейтенант на прощанье посоветовал:

– Езжайте сейчас в столовую, еда нормальная, домашняя и девчонку себе там найдешь, если захочешь. Они податливые, когда их мужиков на вахту увозят.

Илья сел в машину к Витьке и крикнул остальным:

– За мной! На обед! – и Витьке уже тихо, закрывая дверь, – поехали.

В столовой почти никого не было. Лет тридцати средней полноты женщина с улыбкой подошла к незнакомым военным, предложила садиться, спросила, как обычно:

– Что кушать будете?

Из-за занавески на ребят смотрели еще две пары женских глаз. Неожиданно высоким голосом, почти фальцетом, Илья заказал:

– Нам бы первое, второе и третье.

Пища было домашняя: борщ со свежими булочками и сметаной, гуляш с картошкой, компот. Илья смотрел на женщину с вождением, даже перестал замечать, что у нее немного длинноватый нос слегка нависает над верхней губой, что бедра у нее немного крупноваты. Вспомнил, что любимой своей Оле даже в мыслях изменять нельзя. Раньше в таких случаях с ним обязательно приключалась какая-нибудь беда. Однако путь к сердцу молодого мужчины, а скорее всего, к какому-нибудь другому органу, через желудок уже был протоптан.

– Меня Лида зовут! А ты надолго, или так, проездом? Может, встретимся? – молодая женщина буквально предлагала себя и не когда-нибудь, а сейчас, немедленно.

Илья не испытывал такой женской инициативы никогда, сильно билось сердце. Ответил:

– Думаю, через день-два будем сюда приезжать.

– Ну-ну! – она проводила офицера оценивающим взглядом, улыбаясь сдержанно, – не пожалей, через день-два мужа с вахты привезут, не до тебя будет!

Илья подумал, что втискиваться к похотливой женщине между двумя лейтенантами и мужем как-то не сподручно, и сразу поостыл. Женька заплатил деньги: три с полтиной за всех.

Предсказания алтайки

Выехали из Курая. Видимо по поручению всей команды, Витька сразу весело и задорно начал расспрашивать:

– Весь тракт почти проехали, нашли место, где и с кем жить будете?

– А ты как думаешь? Где лучше остановиться, чтобы всем удобно было?

На этом месте разговор неожиданно прервался, поскольку пришлось резко тормозить. Прямо перед машиной вдруг появилась то ли молоденькая девушка, то ли старушка. Она была одета в яркое длинное платье, синюю стеганую курточку, на голове – странный утепленный головной убор.

– Возьмем, товарищ лейтенант? – повернулся к Илье солдат.

Илья кивнул.

Ее посадили в середине. Усевшись, она сняла свою шапочку и слегка тряхнула головой, показывая свои прямые черные волосы. Пока останавливались и усаживали молоденькую симпатичную алтайку, остальные машины промчались дальше, обгоняя, подавая громкий воздушный сигнал. Как только тронулись, военные продолжили прерванный разговор.

– Ребята считают, что Вам лучше всего в Манжероке у Татьяны остановиться. Как она Вас заманивала! Получилось переспать-то с ней? – Витька явно, но слегка, хамил, а Илья смутился:

– Она, конечно женщина симпатичная, но чуть не вдвое старше меня. Я бы не решился.

– Да что Вы, товарищ лейтенант, Женька нам рассказал, с кем старшина спал в Топучей: седая, растрепанная, беззубая, да еще водку пьет и матом ругается, – при этом Витька повернулся к пассажирке, подмигнул лейтенанту, – а молоденькие по каким деревьям тут прячутся?

При этом его правая рука, как бы случайно соскользнула с рычага коробки передач на юбку молодой алтайки и слегка сжала колено. Она все поняла и, почуввав опасность, не стала ждать дальнейшего наступления:

– Остановите здесь, – попросила девушка, как-то спокойно глядя то на Илью, то на Витьку. Вышли из машины около скалы все втроем. Витька продолжал глупо и нагло улыбаясь.

– Ну, так вот мальчики дальше я с вами не поеду, – сказала молодая алтайка твердо, глядя мимо военных, – не доедите вы сегодня до Манжерока! До свидания!

Витька с Иллей почесали затылки, сели в машину и стали догонять остальных. Так было легко отстать, два раза остановились на несколько минут – и волнуйся теперь. Солнышко садилось.

Пустая машина без труда взбиралась на перевалы и спускалась с них. В самом конце спуска сначала бензовоз пришлось обгонять, потом длиннющий лесовоз, который еле-еле тащил свои огромные бревна. И вдруг:

– Товарищ лейтенант! Наши! – обрадовался Витька. Лейтенант тоже обрадовался, увидев борт ЗИЛА с уже родной серией «фх» – гора с плеч, наконец-то все вместе!

Витька встал в колонну чуть ли не вплотную к последнему ЗИЛУ. Дорога не широкая – один ряд в каждую сторону, но асфальт! Передняя машина то притормаживала, то набирала скорость. Через несколько минут передний ЗИЛ вышел на встречную полосу, Витька следом за ним. Тут Илья увидел, что колонна его ЗИЛОВ обгоняет колонну из пяти или шести колхозных ГАЗИКОВ. Неожиданно передний ЗИЛ ушел вправо, да так уверенно, что одному из ГАЗИКОВ пришлось резко тормозить. Машина с Витькой и лейтенантом оказалась мордой к морде со встречной КОЛХИДОЙ. Справа, между Газиками места больше не было – так их колонна сжалась при торможении. Витька не растерялся, свернул влево на обочину, но машина соскочила в кювет и, перевернулась...

В глазах у лейтенанта сначала потемнело, а потом он увидел, как в тумане, лицо той самой алтайки, которую они высадили у скал. Она взяла его за руку и сквозь стекло кабины увлекла за собой вверх, еще и еще выше.

– Видишь, – ласково сказала она, поворачиваясь лицом к летящему рядом с ней офицеру, – на что это похоже?

– Да, – кивнул он, – слева озеро, как на карте, а впереди тот самый хребет со снежными пиками, который я видел со стройки у Курая.

Они приближались к снежным вершинам и уже начали спускаться между ними. Стало холодно. Они оказались на склоне горы, окруженной непреступными отвесными скалами. Подножия их были в огромной котловине, закрытой белым облаком.

– Это облако никогда оттуда не выйдет. И души одиноких людей, потерявших Любовь, вряд ли смогут выбраться из этой котловины, – обреченно проговорила девушка, – давай спустимся пониже, не испугаешься?

Когда они присели у самого края облака, Илья заметил, что поверхность его колыхается. Время от времени на ней можно было различить знакомые лица: однокурсники любители пива, Татьяна из Манжерока, старшина Сотников, беззубая Нинка, Володя Олин муж, Линда и Лида.

– Ты тоже добровольно, но бессознательно устремился душой в этот холодный котел, искал освобождения от своей любви. Хотел подменить плод духа удовольствием для плоти твоей. Но поверь, этим заблудшим душам не так легко и приятно, как сами они об этом рассказывают, – она сочувственно вздохнула, – Любовь царствует над Миром, и отречься от нее нельзя, потому что Она вечна и бесконечна. Без Нее ты ничто, такой же, как многие, вечный обитатель этого затерянного среди гор холодного облака. Не спеши туда, очень скоро ты ощутишь радость и все плоды своего долготерпения.

– Не слушайте ее, идите к нам! Тут так много одиноких женщин, – старшина приподнялся и брызнул водой из облака лейтенанту в лицо.

Он отвернулся, закрывая глаза и погружаясь во тьму.

– Ну вот, кажется, очнулся! – незнакомый мужик брызгал на него воду из алюминиевой кружки, – а то бредил про какие-то горы, облака, озера, души.

– Где мы? – приходя в себя, лейтенант увидел поцарапанного, но стоящего на ногах водителя, – сильно разбились?

– Все обошлось, вот только Вас пришлось перенести сюда, в мастерскую, около получаса в каком-то бреду были, – произнес Витька дрожащим голосом, видимо, еще не успев выйти из стресса, – не доехали до Манжерока, как алтайка сказала. Семь километров от него, поселок Известковый. Здесь завтра чиниться будем, машину уже перетащили от дороги сюда, фельдшерице Вас покажем.

– Нет, – заорал лейтенант и даже вскочил с драного дивана, на котором лежал, испытыв острую головную боль, – к черту баб! Так все пройдет!

Тем не менее, он огляделся. Тусклый свет от нескольких, свисавших с потолка лампочек, едва освещал два грузовика, стоявшие над одной смотровой ямой. Над другой ямой стоял колесный трактор. Стены невысокого здания – прокопченные, в воздухе – запах моторного масла. Очень все было похоже на пункт технического обслуживания в Новосибирском автобате.

«Завтра надену бушлат, залезу в яму, осмотрю машину. Надо с начальством местным договориться, чтобы здесь масло менять. Хорошо, что не груженные перевернулись, а то еще и кирпичи собирать...», думал лейтенант засыпая.

Утром лейтенант понял, что пока в его душе живет любовь к своей единственной женщине, не удастся ему найти то удобство, о котором он мечтал в самом начале командировки. А вот предсказания алтайки, которые она высказала у дороги наяву, сбылись: не доехали они до Манжерока! Значит ли это, что сбудется ее предсказание, которое услышал лейтенант, находясь в беспамятстве: осуществится мечта, и его любимая скоро будет с ним. Надо только верить и потерпеть немного. Так или иначе, но уж лучше не испытывать судьбу – Алтай, всё-таки!

Летающий ковер рассказ

– лейтенант! Встать! Одевайтесь! – громкий командный баритон прозвучал неожиданно и угрожающе.

Илья открыл глаза. На фоне потолка в контровом свете он увидел силуэт кого-то в шинели и в фуражке. Этот кто-то прервал сладкий и глубокий сон молодого офицера.

– Что вам нужно? – спросил Илья, еще не проснувшись, и не понимая, что происходит.

Была половина четвертого ночи. Сильно болела голова. Обрывки чьих-то фраз звучали весьма криминально: «банда, украли палас, собрались в номере, убежал».

– Вам придется пройти со мной для оформления протокола в отделение милиции, – мягко, но очень формально говорил капитан милиции, когда Илья уже надел форму.

– А что случилось? Я здесь в командировке, – натягивая шинель, растерянно спросил Илья.

– Там разберемся! А сейчас пошли со мной.

Милиционер с Илей протиснулись сквозь толпу работников гостиницы к лифту. Спустились с шестого этажа на первый и по темной улице быстрым шагом дошли до отделения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.